

МОСКОВСКИЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЙ ДЬЯК ДАНИЛО МАМЫРЕВ

В опубликованном впервые более ста лет назад втором романе трилогии «Христос и Антихрист» Д. С. Мережковского весьма колоритно представлен посол великого князя московского Данило Мамыров. По воле автора главный герой произведения знаменитый художник Леонардо да Винчи оказался на одном пиру в Милане конца XV в. с названным русским послом¹. Прообразом этого последнего литературного персонажа послужило реальное историческое лицо — Данило Киприанов сын Мамырев, о чем догадаться было не так уж сложно, поскольку многие исследователи касались отдельных сторон его весьма богатой событиями жизни и деятельности². И при всем том пока еще не существует посвященного ему достаточно полного биографического очерка. Восполнить этот пробел призвана настоящая работа.

В документах конца XV — начала XVI в. фигурируют следующие подписи — Данило (Данилко) Мамырев и Данило Киприянов (Куприянов, Куприанов, Киприанов, Кипреянов). Еще в конце XIX в. Н. П. Лихачев установил, что это одно и то же лицо — интересующий нас дьяк Данило Киприанов сын Мамырев³.

В русских источниках его имя начинает фигурировать с 1493 г. В летописях под этим годом читаем: «Мѣсяца Маіа, послалъ князь великіи въ Венѣцію и въ Медиоланъ Мануила Ангелова Грека да Данила Мамырева»⁴. Правда, по данным ганзейских документов, в сентябре 1489 г. через Любек и Ревель проезжали «Manole unde Daniile»⁵. Из этого исследователи сделали вывод, что в данном случае имеются в виду Мануил Ангелов и Данило Мамырев, возвращавшиеся из посольской поездки в Италию, куда они были отправлены московским великим князем в 1488 г.⁶ Однако, согласно летописям, в этом году в Рим, Венецию и Милан были посланы греки Дмитрий и Мануил Ралевы⁷. Оба возвратились в Москву зимой 6998 (1489/90) г.⁸ Данило Мамырев среди участников этого посольства в русских источниках не значится. Не перепутал ли автор цитированного выше ганзейского документа имена Дмитрия и Данила? Кроме того, имя «Daniile» (см. выше) дано без фамилии или прозвища, поэтому нет уверенности в том, что так обозначен именно Данило Мамырев, а не какой-то иной человек с тем же именем. Еще большее сомнение в участии в данном посольстве Мамырева вызывает то, что в цитированном ганзейском

¹ Мережковский Д. С. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1990. Т. I. С. 507–510.

² Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 38, 88–89, 108, 117–119; Белокуров С. А. О посольском приказе. М., 1906. С. 14; Савва В. И. О посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1. С. 284, 286; Пирлинг П. Россия и папский престол. М., 1912. Кн. 1. С. 244–247; Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 50, 57, 78, 143; Попов Г. В. Московская копия конца XV в. с болгарской миниатюры предшествующего столетия // Советское славяноведение. М., 1969. № 1. С. 91–94; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 413; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII в. М., 1975. С. 316; Попов Г. В. Живопись и миниатюра Москвы середины XV — начала XVI века. М., 1975. С. 50, 70; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 190–192; Мельник А. Г. К истории комплекса художественных памятников, поступивших в Ростовский музей из церкви села Гуменца // История и культура Ростовской земли. Ростов, 1997. С. 55–66; Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 231–234; Мельник А. Г. Поникаровский деисусный чин // «От мудрости и святости былого...»: VII Тихомировские чтения. Тезисы докладов. Ярославль, 1999. С. 71–73; Мельник А. Г. Царские врата из церкви села Поникарова близ Ростова // IV чтения памяти И. П. Болотцевой. Сборник статей. Ярославль, 2000. С. 152–158; Мельник А. Г. Икона круга Дионисия в собрании Ростовского музея // Ферапонтовский сборник: VI. М., 2002. С. 167–174.

³ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. С. 89.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 278. См. также: ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 167; ПСРЛ. М., 2001. Т. VI. Вып. 2. Стб. 337; ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С. 226; ПСРЛ. СПб., 1901. Т. XII. С. 236 и др.

⁵ Hanseresesse, Abt. III. Bd. 2. Leipzig, 1883. № 267. S. 307.

⁶ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 190; Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 231.

⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 288.

⁸ ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 154, 320.

документе оба — и «Manole», и «Daniile» — названы греками⁹. Следовательно, мнение об участии Мамырева в посольстве 1488—1489/90 г. не имеет надежного документального подтверждения.

Здесь же необходимо поставить и другой вопрос: какое отношение имел Данило Мамырев к известному великокняжескому дьяку Василию Иванову сыну Мамыреву (1432—1490)¹⁰? Несомненно, они были родственниками, но документы, к сожалению, не дают возможности точно установить степень их родства. Тем не менее, можно предположить, что Данило Мамырев приходился племянником Василию Мамыреву.

Источники не донесли до нас каких-либо прямых или косвенных сведений о том, когда родился Данило Мамырев. Принято считать, что чин дьяка получали в XV в. в зрелом возрасте¹¹. Василий Мамырев, например, получил его почти в 40 лет¹². Если Данило Мамырев стал дьяком примерно в таком же возрасте, то он должен был родиться где-то в середине XV в.

Возвращаясь к посольству Ангелова и Мамырева, следует подчеркнуть: отражающие его деятельность документы хранятся преимущественно в итальянских архивах и ныне для меня недоступны. Поэтому обстоятельства пребывания Мамырева в Милане и Венеции ниже будут изложены, в основном, с опорой на работы предшествовавших исследователей.

Итак, в мае 1493 г., как говорилось выше, послы Ангелов и Мамырев выехали в Италию; 17 ноября того же года они прибыли в Милан¹³. Таким образом, на всю дорогу у них ушло около шести — шести с половиной месяцев, то есть примерно полгода. На следующий день по приезде, 18 ноября, послы были приняты правителем Милана Лодовико Моро. Они вручили ему верительную грамоту и подарки (1 штуку горностая, 5 сороков соболей, саблю, богато украшенный лук и моржовую кость длиной в локоть)¹⁴. Однако послы отказались участвовать в придворных празднествах, требуя предпочтения перед польским послом, поскольку «их государь благороднее и сильнее всех королей Венгрии, Чехии и Польши вместе взятых»¹⁵.

6 декабря 1493 г. Мануил Ангелов и Данило Мамырев заключили контракт с резчиком по камню Бернардино да Боргаманеро. Поручителем при этом был «герцогский инженер» Джованни Антонио Амадео, известный ломбардский архитектор и скульптор¹⁶. В контракте, в частности, говорилось, что «сказанный Бернардино обязан по любому требованию вышеназванных послов отбыть из настоящего Милана и отправиться в страну вышеназванного Сиятельнейшего Великого Государя и собственной персоной выполнять верой и правдой со всем своим мастерством то есть выполнение архитектурных работ по постройке замков и дворцов. Вышеназванные послы обязаны оплатить ему расходы на лошадей и продовольствие... сказанный маистро Бернардино обязан выполнять, что сказано выше за ту плату, которую сочтет вышеназванный Сиятельнейший Великий Государь... быть в подчинении маистро Алуизио ди Каркано¹⁷ архитектора вышеназванного Великолепного Великого Государя»¹⁸.

⁹ Hanserecense, Abt. III. Bd. 2. № 267. S. 307. Приношу благодарность В. Н. Малову и Г. А. Шатохиной за консультации по данному вопросу.

¹⁰ См. о нем подробнее в: Кучкин В. А., Попов Г. В. Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая книга пророков 1489 года // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. С. 112—115.

¹¹ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 194.

¹² Кучкин В. А., Попов Г. В. Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая книга пророков 1489 года. С. 112.

¹³ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 191.

¹⁴ Пирлинг П. Россия и папский престол. Кн. 1. С. 244; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 191. Искренне благодарю Д. А. Морозова, который произвел для меня сверку русского перевода фрагмента о посольстве в Италию Ангелова и Мамырева с соответствующим фрагментом французского издания монографии П. Пирлинга.

¹⁵ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 191.

¹⁶ Тексты документов о найме мастеров посольством Мануила Ангелова и Даниила Мамырева в Милане в 1493 г. / Публ. С. С. Подьяпольского // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 231.

¹⁷ Каразано (Каркано) да, Алоизио — архитектор, инженер, «мастер стеной», родом из Пьемонта. Прибыл в Москву в 1494 г. с посольством Мануила Ангелова и Даниила Мамырева из Милана во главе группы мастеров (Подьяпольский С. С. Итальянские строительные мастера в России в конце XV — начале XVI века по данным письменных источников (опыт составления словаря) // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 223).

¹⁸ Тексты документов о найме мастеров посольством Мануила Ангелова и Даниила Мамырева в Милане в 1493 г. С. 232.

Контракт с упомянутым архитектором Алуизио (Алоизио, в русских документах — Алевиз) ди Каркано (Карезано)¹⁹, по-видимому, не сохранился. Однако ясно, что он был заключен до подписания цитированного выше контракта, то есть между временем приезда послов в Милан (17 ноября) и 6 декабря 1493 г.

Демонстрацией особого почета, оказываемого в Милане московским послам, стала устроенная в их честь большая придворная охота. Она состоялась 9 декабря, после завтрака в Валле дель Точино с участием Лодовико Моро и Беатриче д'Эсте. «Благородная забава удалась на славу: дичи оказалось множество»²⁰.

Вскоре, а именно 16 декабря, Ангелов и Мамырев заключили контракт при поручительстве маэстро Лионелло де ли Контти с кузнецом Микаэлем Парпайоне, о найме последнего для выполнения работ на московского великого князя²¹.

Как видим, одна из важнейших задач московских послов в Италии заключалась в поиске и найме различных мастеров для работы в России, о чем прямо сказано в летописи по приезде их из Италии²².

Между прочим, именно в те самые дни, когда Данило Мамырев и его спутник занимались исполнением данной миссии, состоявший на службе у Миланского герцога великий Леонардо да Винчи представил на всеобщее обозрение одно из самых значительных своих творений — колоссальное глиняное изваяние коня²³. Джорджо Вазари писал, что «те, кто видел огромную глиняную модель, которую сделал Леонардо, утверждают, что никогда не видели произведения более прекрасного и величественного»²⁴. Трудно представить, чтобы озабоченные поисками мастеров московские послы не сходили посмотреть на это творение самого знаменитого миланского мастера. Надо помнить, что и он, и упомянутые послы были включены в один и тот же круг двора правителя Милана. Так что литературные фантазии Д. С. Мережковского имели реальную историческую почву. Данило Мамырев действительно мог видеться и общаться с Леонардо да Винчи.

Во второй половине декабря московские послы стали собираться к отъезду из Милана в Венецию. Лодовико Моро отпустил их с тем же почетом, с каким и принял, хотя они отказались участвовать в торжествах на свадьбе его племянницы Бьянки Сфорца с императором Максимилианом. Они заявили, что не желают присутствовать при бракосочетании, дабы не уступить первого места представителям императора и королей Франции или Испании²⁵. Отъезд послов из Милана состоялся, очевидно, ближе к концу декабря. По распоряжению Лодовико Моро до Венеции их проводил специально уполномоченный для этого сенешал миланского двора; затем миланскому послу было предписано оказать русским всяческое содействие. 29 декабря 1493 г. Ангелов и Мамырев были приняты венецианским сенатом. 1 января 1494 г. в соборе Сан Марко происходила торжественная месса, на которой присутствовали дож с членами совета, сенаторы, патриции и представители других держав. Русским послам было отведено почетное место²⁶. Однако посол неаполитанского короля попытался встать перед ними, тогда они демонстративно вышли из храма. Свое решение послы объяснили тем, что не могут снести обиды, чинимой их государю²⁷.

¹⁹ Подъяпольский С. С. Итальянские строительные мастера в России в конце XV — начале XVI века по данным письменных источников (опыт составления словаря). С. 223.

²⁰ Пирлинг П. Россия и папский престол. Кн. 1. С. 245; Рутенбург В. И. Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 462.

²¹ Подъяпольский С. С. Итальянские строительные мастера в России в конце XV — начале XVI века по данным письменных источников (опыт составления словаря). С. 226, 231.

²² ПРСЛ. Т. 28. С. 325.

²³ Гукковский М. А. Леонардо да Винчи. Л.; М., 1967. С. 108–109; Дживелегов А. Леонардо да Винчи. М., 1974. С. 60; Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих: В 5 томах. М., 1994. Т. III. С. 24–25.

²⁴ Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих: В 5 томах. С. 25.

²⁵ Пирлинг П. Россия и папский престол. Кн. 1. С. 245.

²⁶ Пирлинг П. Россия и папский престол. Кн. 1. С. 246; Рутенбург В. И. Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. С. 462.

²⁷ Пирлинг П. Россия и папский престол. Кн. 1. С. 246; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 192.

Как видим, и в Милане, и в Венеции в сходных ситуациях послы поступали совершенно одинаково. Надо полагать, это их поведение определялось не личными амбициями, а посольским обычаем, сложившимся к тому времени. Согласно тогдашним представлениям посол как бы отождествлялся с персоной великого князя. Поэтому любое принижение достоинства посла расценивалась как умаление престижа правителя Русского государства²⁸.

В Венеции, очевидно, Ангелов и Мамырев продолжили нанимать мастеров различных специальностей для работы в России. Хотя точных сведений у нас об этом нет. Отсутствуют данные и о том, когда выехало московское посольство из Венеции. По свидетельствам русских летописей, в Москву оно прибыло в 7002 г.: «Того же лѣта приидоша послы великого князя на Москву Мануил Ангелов Грекъ да Данило Мамырев, что посылал их князь великий мастеров для в Венецѣю и в Медиолан; они же приведоша на Москву Алевиза мастера стѣннаго и полатнаго и Петра поушечника и иных мастеров»²⁹. Предыдущая запись в летописи датирована 29 мая³⁰, а 7002 г. заканчивался 31 августа 1494 г., следовательно, вероятнее всего названное посольство оказалось в Москве летом 1494 г.³¹ Как мы помним, путь от Москвы до Милана занял примерно полгода. Очевидно, столько же времени ушло и на обратную дорогу. Если было именно так, то из Венеции посольство Ангелова и Мамырева выехало примерно в январе — феврале 1494 г.

Вскоре по приезде в Москву, в том же 1494 г., очевидно, осенью, Данило Мамырев был послан великим князем вместе с дьяком Василием Жуком в Новгород для закрытия ганзейского двора и ареста колыванских и немецких купцов и конфискации их товаров («товар их, переписав, привезсти на Москвоу») в ответ на ограбление и убийство русского купца в Колыване (Ревеле) и задержание русских послов, отправлявшихся через Колывань и Германию в Италию³².

Осенью следующего 1495 г. московский князь Иван III предпринял поездку в «вотчину свою» Великий Новгород³³. Как полагалось, князя сопровождала большая свита, в которую был включен и Данило Мамырев³⁴, так что он являлся свидетелем и участником основных событий этого путешествия. Из Москвы выехали 20 октября 1495 г., а к Новгороду подъехали 17 ноября того же года. Встречать великого князя на подступах к городу вышли архиепископ новгородский Геннадий «с архимандритом и игоуменьи, и священники, и со всѣм освященным собором», великокняжеские наместники «со всѣм народомъ града тог(о)»³⁵. Из Новгорода великий князь выехал лишь 10 марта 1496 г., завершилось данное путешествие возвращением в Москву в том же марте, 24 числа³⁶. Как свидетельствует разрядная книга, в составе свиты великого князя, сопровождавшей его в Новгород, находилось шесть дьяков — «Левонтий Алексеев, Федор Курицин, Василий Кулемин, Василей Жюк, Волк Курицин, Данило Кипреянов»³⁷. Очевидно, все они в то время являлись наиболее доверенными секретарями великого князя³⁸. Имя нашего героя стоит последним в данном перечне, что, надо полагать, соответствует его статусу в тогдашней дьяческой иерархии³⁹. Тем не менее, несомненно одно: Данило Мамырев к 1495 г. вошел в самый верхний слой московской дьяческой элиты. Важно подчеркнуть и то, что большинство этих людей одновременно являлось и наиболее образованной и широко мыслящей частью

²⁸ См.: Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988. С. 3–40.

²⁹ ПСРЛ. Т. 28. С. 325. См. также: ПСРЛ. Т. 39. С. 168.

³⁰ ПСРЛ. Т. 28. С. 325.

³¹ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII в. С. 316.

³² ПСРЛ. Т. 28. С. 325; Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. С. 50.

³³ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 345; ПСРЛ. Т. 39. С. 170.

³⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 25.

³⁵ ПСРЛ. Т. 28. С. 327.

³⁶ Там же. Стб. 346.

³⁷ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 25.

³⁸ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 224.

³⁹ См.: Назаров В. Д. Титулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Русское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 573.

тогдашнего русского общества. Все шестеро участвовали в составлении важнейших государственных документов. Четверо из них, Федор Курицын, Василий Кулемин, Иван Волк Курицын и Данило Мамырев, в качестве послов повидали Западную Европу. А братья Федор⁴⁰ и Иван Курицыны⁴¹ стали известны как книжники, своеобразные мыслители и еретики. Особенно знаменит своими литературными произведениями, в частности «Лаодикийским посланием», Федор Курицын⁴².

Таким образом, Мамырев работал бок о бок с выдающимися в интеллектуальном отношении людьми своего времени. Как увидим ниже, есть основания предположить, что и он сам принадлежал к их кругу.

В 90-х годах XV — начале XVI в. основная деятельность интересующего нас дьяка протекала в важнейшем государственном учреждении того времени — великокняжеской Казне. Каменная палата, где оно располагалось, тогда находилась в Московском Кремле. Она вплотную примыкала с востока к алтарной части великокняжеского Благовещенского собора⁴³. Надо полагать, в этой казенной палате и служил Данило Мамырев.

В конце XV — начале XVI в., до образования особого посольского приказа, Казна как учреждение, кроме хранения великокняжеских ценностей и архива и исполнения функций главного финансового учреждения государства, была непосредственно причастна к посольским делам⁴⁴. Казначей и дьяки этого ведомства принимали участие в приемах иностранных посольств, а некоторые дьяки сами выступали в роли послов⁴⁵. Как видим, сказанное в полной мере относится и к дьяку Мамыреву. В частности, одной из его обязанностей было хранение архива посольских документов⁴⁶.

В источниках, отразивших посольскую практику данного времени, неоднократно встречаются указания на то, что важнейшие акты, фиксировавшие отношения России с другими государствами, хранились у дьяка Мамырева. Как правило, это обозначалось такими фразами: «И та грамота великого князя дана Данилу»⁴⁷ или «И та грамота у Данила у Мамырева»⁴⁸. Подобные указания относятся к январю 1497 г.⁴⁹, январю, февралю 1501 г.⁵⁰, апрелю, сентябрю и ноябрю 1503 г.⁵¹

Участвовал Мамырев и в переговорах с иностранными послами. Первое известие об этом относится к августу 1499 г. Тогда в Москву прибыло посольство от великого князя литовского Александра Казимировича во главе с «маршалком» Станиславом Глебовичем Кишкой и писарем Иваном Сопегой. С ответом от великого князя московского этим послам выступили казначей Дмитрий Владимирович и дьяки Федор Курицын, Ондрей Майко и Данило Мамырев. Сначала «говорил» казначей Дмитрий, затем Федор Курицын, затем вновь Дмитрий, потом Майко и последним — Данило⁵². Подобные поочередные выступления нескольких представителей Русского государства были в обычае того времени⁵³.

Речь Мамырева была посвящена пограничным спорам и судьбе двух немцев, которые пытались проехать из Ливонии в Швецию через русские земли во время русско-шведской войны 1495—1497 г. и были задержаны в Новгороде. Немцы оказались посланцами Александра Литовского. Великий князь

⁴⁰ См.: Лурье Я. С. Курицын Иван-Волк // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 503—504.

⁴¹ См.: Лурье Я. С., Григорьев А. Ю. Курицын Федор Васильевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. С. 504—510.

⁴² Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 89—135.

⁴³ Кучкин В. А., Попов Г. В. Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая книга пророков 1489 года. С. 115; Кавельмахер В. В., Попова Т. Д. Останки белокаменного храма XIV в. на соборной площади Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 61. Рис. 2.

⁴⁴ Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. С. 43—48, 140—143.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Савва В. И. О посольском приказе в XVI в. С. 286.

⁴⁷ Сборник императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). СПб., 1882. Т. 35. С. 227.

⁴⁸ Там же. С. 437.

⁴⁹ Там же. С. 226—227.

⁵⁰ Там же. С. 307—308, 309—310.

⁵¹ Там же. С. 407, 437, 445.

⁵² Там же. С. 280—288.

⁵³ Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». С. 38.

московский соглашался отпустить их, но велел спросить у Александра: «гораздо ли делает брат наш, что посылает тайно своих людей к нашему недругу»⁵⁴.

В феврале 1500 г. в переговорах с послом кафинского султана Садыком участвовали уже знакомые нам Дмитрий Владимирович и дьяки Федор и Данило⁵⁵, в которых узнаются соответственно Курицын и Мамырев⁵⁶.

30 ноября 1503 г. Данило Мамырев «отпушал», то есть, очевидно, организовал отъезд русского посольства во главе с дьяком Микитой Маклаковым в Литву⁵⁷.

Дьяк Мамырев занимался не только посольскими делами. В апреле 1502 г. он сделал свою припись у выписки на отдельной жалованной грамоте великого князя Офанасию Иванову (сыну) Мосееву и сыну его Федору на поместье в Шелонской пятине⁵⁸, в январе 1503 г. — на отдельной грамоте Семену Александрову (сыну) Огареву на поместье в той же пятине⁵⁹.

Около 1504 г. или между 28 июля и 6 августа 1503 г.⁶⁰ Мамыреву было доверено написать и заверить своей подписью важнейший государственный документ — духовную грамоту великого князя Ивана III⁶¹. Этот акт знаменует вершину административной карьеры нашего героя. В духовной, в частности, указано, что дьяки Мамырев и Моклоков хранят в казне ларцы с завещанной сыновьям великого князя долей его богатств⁶².

2 июня 1504 г. дьяк Мамырев подписал правую грамоту великого князя Петру Михайловичу Плещееву, который выиграл местнический спор с Петром Григорьевичем Заболотским⁶³. Около 16 июня 1504 г. тот же дьяк подписал жалованную грамоту великого князя Ивана III, согласно которой его сыновья князья Юрий, Дмитрий, Семен и Андрей были пожалованы дворами внутри города Москвы⁶⁴.

После смерти Ивана III (в ночь с 27 на 28 октября 1505 г.) Данило Мамырев становится одним из ближайших доверенных лиц нового московского государя Василия III. Не случайно именно Мамырев после сороковин по старому великому князю⁶⁵ подписал подтверждение Василия Ивановича на большом количестве жалованных грамот, представленных их владельцами⁶⁶. Большинство из этих подписей датируется 6 декабря 1505 г.⁶⁷ Однако некоторые подобные подтвердительные подписи дьяка Данила Киприянова относятся к 1506 г.⁶⁸ и 1507 г.⁶⁹

Декабрем 1507 г. датируется последний известный акт, заверенный подписью Данила Киприянова⁷⁰. Ранее предполагалось, что его уход от активной государственной деятельности, как и исчезновение из

⁵⁴ СИРИО. Т. 35. С. 286; Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 232.

⁵⁵ СИРИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 288–292.

⁵⁶ Савва В. И. О посольском приказе в XVI в. С. 286.

⁵⁷ СИРИО. Т. 35. С. 440.

⁵⁸ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий. М., 1905. Т. I. Отд. 2. С. 9.

⁵⁹ Там же. С. 6–7.

⁶⁰ Кашианов С. М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Вып. XI. С. 249.

⁶¹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. С. 389–400; ДДГ. С. 353–364.

⁶² Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. С. 399; ДДГ. С. 362–363.

⁶³ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 233–234.

⁶⁴ ДДГ. С. 370.

⁶⁵ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 234.

⁶⁶ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII в. С. 316.

⁶⁷ ААЭ. Т. I. С. 40, 52, 56, 84, 86, 88, 89, 91, 96, 98; Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1841. С. 139; АСЭИ. М., 1952. Т. I. С. 102, 175, 176, 216, 219, 220, 222, 226, 227, 229, 237, 241, 253, 256, 257, 258, 259, 260, 262, 263, 282, 302, 304, 307, 342, 348, 349, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 391, 407, 411, 438, 445, 447, 453, 544; АСЭИ. М., 1958. Т. II. С. 493, 517, 546.

⁶⁸ АСЭИ. Т. I. С. 94.

⁶⁹ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1846. Т. I. С. 63.

⁷⁰ Там же.

официальных документов имен ряда других дьяков времени Ивана III, отражает перемены в политической линии правительства⁷¹. Однако как было на самом деле в случае с нашим героем, мы не знаем.

Между тем жизнь Мамырева, очевидно, преимущественно частная, продолжалась. О чем красноречиво свидетельствуют записи о сделанных им вкладах книг в Иосифо-Волоколамский монастырь. Одна из таких записей имеется в рукописи Шестоднева: «В лѣто 7027 (1518/19) великого князя дьякъ Данило Мамыревъ прислал сию книгу Шестодневник по своем животѣ при игуменѣ при Данилѣ въ Осифовѣ ма(на)стырь»⁷². Эта книга датируется 80-ми годами XV в. В ней имеется миниатюра с изображением Василия Великого, которую сопровождают греческие надписи. Они принадлежат, по всей вероятности, русскому писцу⁷³. По наблюдениям Г. В. Попова, данная миниатюра является копией с миниатюры болгарской рукописи, датируемой 80–90-ми годами XIV в. Вместе с тем стилистически миниатюра Шестоднева, принадлежавшего Мамыреву, близка к группе «акварельных» иллюстраций Книги пророков 1489 г.⁷⁴, созданной по заказу упоминавшегося старшего родственника нашего героя Василия Мамырева⁷⁵.

Существует еще одна рукописная книга с подобной же записью: «В лѣто 7027 (1518/19) дал сию книгу соборникъ именуемую, дьякъ великаго князя Данило Мамыревъ въ обитель пречистыя успения Иосифова монастыря, при настоятельствѣ игумена Данила»⁷⁶. Данный сборник, датирующийся концом XV в., содержит отрывки из творений отцов церкви, из священной истории, о составлении Псалтыри и отдельные псалмы, молитвы на разные случаи, в том числе молитву митрополита Киприана за царя, князя и всякого христианина, Часослов, Месяцеслов, последование четырехдесятницы и пятидесятницы, тропари и кондаки дневные, богородичны, крестобогородичны, троичны в пост, светильны «по вся дни», службу воскресную, антифоны «по вся дни», песни херувимские, канон Троице, стихиры воскресные великой субботы и канон Пасхе, службу Христу⁷⁷.

Обе книги выполнены в конце XV в., то есть примерно за 20–30 лет до их вклада в 1518/19 г. в Иосифо-Волоколамский монастырь. Это позволяет предположить, что они достаточно длительное время находились в пользовании дьяка Мамырева.

В Описи Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г., очевидно, упомянутый выше Шестоднев зафиксирован следующим образом: «Книга Данилова ж Мамырева о шести днех Василиа Великаго»⁷⁸. Рядом с этой записью имеются свидетельства еще о двух книгах, пожертвованных тем же вкладчиком: «Бытя (Бытии) Даниловская Мамырева» и «Филонѣи Даниловской ж в поддесть»⁷⁹. Очевидно, в последнем случае имеется в виду книга толкований на «Песнь Песней» Филона Карпафийского⁸⁰. Замечательно, что существует еще одна книга, Апостол с вкладной надписью жены нашего героя: «В лето 7020 (1511/12) сию книгу послания Павловы Толковы дала Данилова жена Мамырева по родителех»⁸¹.

⁷¹ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. С. 413.

⁷² Попов Г. В. Московская копия конца XV в. с болгарской миниатюры предшествующего столетия. С. 94.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Кучкин В. А., Попов Г. В. Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая книга пророков 1489 года. С. 107–144.

⁷⁶ Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из епархиального собрания ГИМ / Сост.: Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина, И. В. Поздеева // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 337.

⁷⁷ Там же. С. 336–337.

⁷⁸ Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. / Публ. Р. П. Дмитриевой // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. С. 32.

⁷⁹ Там же. С. 32.

⁸⁰ См.: Алексеев А. А. К истории русской переводческой школы XII в. // ТОДРА. Л., 1988. Т. 41. С. 155. Искренне благодарю за консультации по данному вопросу Д. А. Морозова и А. А. Турилова.

⁸¹ Сметанина С. И. Записи XVI–XVII веков на рукописях собрания Е. Е. Егорова // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 359. Приношу искреннюю благодарность Ю. Д. Рыкову, указавшему мне на данную публикацию.

В связи с этим следует отметить, что ряд других представителей рода Мамыревых, действовавших в XV — первой половине XVI в., были причастны либо к созданию книг, либо являлись их вкладчиками. Как мы помним, дьяк Василий Мамырев заказал в 1489 г. Книгу пророков, в Описи Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. фигурирует «Псалтырь полдести, письмо Игнатия Мамырева»⁸².

Приведенные факты очерчивают еще одну грань личности нашего героя. По-видимому, на протяжении большей части своей жизни он заказывал и покупал книги различного содержания для своей «библиотеки», а возможно, некоторые из них и переписывал сам. Другими словами, он был, как теперь принято говорить, книжником. Это же свидетельствует о высоком для того времени уровне образования Данила Мамырева. Судя же по тематике упомянутых книг, он был склонен к богословским размышлениям. Очевидно, только на исходе жизни Данило стал вкладывать свои книги в Иосифо-Волоколамский монастырь, а, возможно, и в иные обители. Вероятно, в будущем обнаружатся и другие книги, происходящие из той частной «библиотеки».

Из грамоты великого князя Василия III, датированной 28 января 1529 г., явствует, что около этого времени Данило Мамырев «дал по себе» Троице-Сергиеву монастырю свою вотчину — село Поникарово с деревнями, находившееся близ Ростова⁸³. Очевидно, около того же времени Данило Мамырев умер. В синодике Троице-Сергиева монастыря записаны Данило, его жена Мария и сын Иван⁸⁴. Несколько иная запись рода Мамырева имеется в синодике московского Успенского собора: Данило, Иван, Исаак и Борис⁸⁵.

В октябре 1529 г. указанная вотчина была описана. Поэтому мы довольно отчетливо можем представить, чем владел Данило Мамырев под Ростовом. Населенный пункт, являвшийся центром этой вотчины, сохранился до нашего времени. Теперь он называется деревней Паникарово⁸⁶, которая расположена в 14 км к западу от Ростова. В 1824 г. Поникарово потеряло статус села, так как тогда ее церковь, посвященная Димитрию Солунскому, была упразднена⁸⁷.

Согласно упомянутой описи 1529 г., в селе Поникарове находилась церковь великомученика Димитрия с приделом Николы Чудотворца, двор монастырский, двор «попов» и три двора крестьянских. К селу тянули восемь деревень: [По]ритюхово (два двора), Софроново (9 дворов), Гребенка (3 двора), Малкирово (2 двора), Каурово (4 двора), Поратиково (6 дворов), Пуспочино (2 двора)⁸⁸. Важно, что описанная вотчина не имела никаких признаков упадка. Значит, Данило Мамырев владел ею как вполне рачительный хозяин.

Именно из названной церкви Димитрия Солунского происходит уникальный по сохранности и высокому художественному уровню иконостас, состоящий из царских врат и пятнадцати икон. Недавно стало ясно, что Данило Мамырев был заказчиком этого иконостаса⁸⁹. Все составляющие его иконы принадлежат кисти лучших московских мастеров конца XV — начала XVI в. Особенно значительны два образа местного ряда данного иконостаса, «Богоматерь Одигитрия» и «Димитрий Солунский в житии». Первая икона принадлежит к числу наиболее совершенных произведений московского искусства XV в. А вторая создана одним из лучших мастеров круга Дионисия⁹⁰. Подчеркнутым своеобразием

⁸² Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. С. 29.

⁸³ Каштанов С. М. Ростовский уезд при Василии III // История и культура Ростовской земли. 1994. Ростов, Ярославль, 1995. С. 64. Приношу искреннюю благодарность С. М. Каштанову, который сообщил мне дополнительные сведения об этой грамоте.

⁸⁴ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII в. С. 316.

⁸⁵ Там же. С. 316.

⁸⁶ Каштанов С. М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XVI в. С. 64.

⁸⁷ Мельник А. Г. К истории комплекса художественных памятников, поступивших в Ростовский музей из церкви села Гуменца. С. 58.

⁸⁸ РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 438 об. — 440 об. Ср.: Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н. В. Калачева. СПб., 1877. Ч. 1. Отд. 2. С. 21—22.

⁸⁹ Мельник А. Г. К истории комплекса художественных памятников, поступивших в Ростовский музей из церкви села Гуменца. С. 55—66.

⁹⁰ Там же. С. 55; Мельник А. Г. Икона круга Дионисия в собрании Ростовского музея. С. 167—174.

отличается художественное решение образа Дмитрия Солунского. На иконе из Поникарова мы видим прекрасного, почти женственного юношу, замершего в прихотливо-грациозной позе⁹¹. Этой чрезмерной утонченности, почти манерной изысканности немного найдется аналогов во всей русской иконописи XV—XVI в. Ясно, что такое произведение не могло быть порождено крестьянской или монастырской средой. Оно явно возникло в рамках придворной элитарной культуры. Носителем именно этой культуры и являлся дьяк Мамырев. Надо полагать, его личные вкусы оказали влияние на выбор художественного решения иконы Дмитрия Солунского и указанного иконостаса в целом. Таким образом, все эти иконы можно рассматривать как своеобразный исторический источник, характеризующий личность их заказчика.

Становится ясным, что Данило Мамырев обладал особо изощренным художественным вкусом и был глубоким знатоком иконы. В подтверждение последнего тезиса укажем на еще одну важную черту того же иконостаса. Центральная икона его поясного деисусного чина обладает уникальной для того времени иконографией. В отличие от всех известных подобных икон русских иконостасов XV—XVI в., на ней Иисус Христос представлен не с Евангелием в левой руке, а со свитком⁹². Следовательно, в центральной иконе созданного по заказу нашего героя деисуса и, судя по определенным признакам, в деисусе в целом⁹³ выражена незаурядная для той эпохи богословская концепция. Вполне возможно, что она возникла не без участия Мамырева, который, как предполагалось выше, имел склонность к богословским размышлениям.

Между прочим, судя по сохранившимся произведениям XV—XVI в., большинство других московских владельцев сел в окрестностях Ростова вовсе не стремились оформлять свои вотчинные церкви иконами кисти наиболее признанных столичных художников. Так, например, Юрий Пильемов, из московского знатного рода Сабуровых, заказал деисусный чин иконостаса для церкви в своем вотчинном селе Ивашкове близ Ростова местным мастерам весьма среднего уровня⁹⁴. Данило же Мамырев, как видим, в соответствующем случае поступил совершенно иначе. Это тоже характеризует его как личность. Ведь он не пожалел денег для украшения свой вотчинной деревянной поникаровской церкви иконами, достойными самых значительных столичных храмов.

Итак, по меркам XV—XVI в. Данило Мамырев прожил долгую жизнь. Накануне смерти ему было никак не меньше шестидесяти лет, а вероятно, и больше. Письменные источники и памятники культуры представляют нам далеко не ординарную личность. Данило Мамырев в качестве посла повидал Западную Европу, сам в Москве участвовал в приеме иностранных посольств. Он был одним из тех немногих, кто во второй половине XV в. закладывал основы посольского дела Русского государства. Будучи казенным дьяком, он являлся хранителем посольских документов и, по-видимому, другого великокняжеского имущества. Поскольку обязанности дьяков конца XV — начала XVI в. не были строго регламентированы, Данило Мамырев исполнял и другие важные поручения великого князя. Служебная деятельность нашего героя протекала буквально бок о бок с самыми выдающимися в интеллектуальном отношении людьми своего времени. Да и сам дьяк Мамырев был книжником и знатоком иконы⁹⁵. Короче говоря, он являлся одной из наиболее значительных личностей в Москве конца XV — начала XVI в.

⁹¹ Там же. С. 170—171.

⁹² Гусарова Е. Б. Русские поясные деисусные чины XV—XVI веков (Опыт иконографической классификации) // Советское искусствознание, 78. М., 1979. Вып. 1. С. 122—123.

⁹³ Там же. С. 122—125; Мельник А. Г. Поникаровский деисусный чин. С. 72—73.

⁹⁴ Мельник А. Г. Поясной деисусный чин из церкви села Ивашкова близ Ростова // История и культура Ростовской земли. 1998. Ростов, 1999. С. 71—75.

⁹⁵ Очевидно, в данном отношении Данило Мамырев был предтечей крупнейшего светского знатока иконы в XVI в. — известного дьяка Ивана Висковатого.